Валерий Чёрный

Слепая зона: Вне регламента

Валерий Чёрный

Слепая зона: Вне регламента

«Автор»
2026

Чёрный В.

Слепая зона: Вне регламента / В. Чёрный — «Автор», 2026

Двое учёных-теоретиков, Корнелиус и Себастьян, годами шли к открытию, которое их мир отверг. Их статья о сжатии метрики пространства была возвращена без рецензии, а сами они оказались вне закона. Но вместо того чтобы сдаться, они совершили невозможное: нашли способ перейти в альтернативную вселенную, схлопнули её в крошечную песчинку и спрятали в ней целый мир. Снаружи — лишь пылинка, которую не найти по координатам. Внутри — собственный город, ресурсы и свобода. «Слепая зона» — это история о дружбе, проверенной подвалом и коньяком, о науке, которая не прощает трусости, и о свободе, которую нельзя найти на карте. Потому что настоящий побег — это не когда тебя не могут найти. Это когда ты сам решаешь, где твой дом.

© Чёрный В., 2026
© Автор, 2026

Валерий Чёрный
Слепая зона: Вне регламента

СЛЕПАЯ ЗОНА: ВНЕ РЕГЛАМЕНТА

Глава 1 Синий Феникс

Холодный, рваный свет чужого солнца негреющим пурпурным лезвием рассекал зеркальную пустоту ущелья, когда на каменном уступе материализовались две фигуры. Вокруг не было ни звенящей тишины, ни визуальных эффектов квантового перехода — пространство просто бесшовно раскрылось, впуская их в эту альтернативную реальность, отделённую от привычного течения времени. На них были дорогие костюмы-тройки из тонкой тёмной шерсти, безупречно сидевшие на плечах; оба были гладко выбриты, а в глубине их волевых лиц застыло ледяное спокойствие людей, которые стёрли свой цифровой и физический след из изначальной мультивселенной, превратив прошлое этой чужой обитаемой системы в своё абсолютное суверенное убежище.

— Ну-с, Корнелиус, следы мы за собой закрыли чисто, — ровным, спокойным голосом произнёс Себастьян, поправляя лацкан дорогого пальто. Он стоял прямо, без суеты, и его суровое лицо выражало сосредоточенность. — Их сыскное ведомство теперь может до посинения сканировать наши старые координаты. Искать человека по старым координатам параллельного мира — это им не законы о налогах писать. Чисто для здоровья и расширения кругозора, заземлились на твёрдую поверхность.

Плотный, коренастый мужчина, которого спутник назвал Корнелиусом, не ответил. Он стоял неподвижно, расправив широкие плечи. Его лицо, лишённое внешнего пафоса, хранило шрамы реальных жизненных и процессуальных баталий, а жёсткий, проницательный взгляд цвета фиолетового пламени был устремлён к небу, где медленно плыли облака.

— Нам не нужно здесь задерживаться, Себастьян, — произнёс Корнелиус, и кристаллическая пыль под ногами едва заметно вибрировала. — Эта вселенная — лишь внешняя, транзитная обёртка. Пусть местные маги и правители копошатся в своих мелких интригах за ресурсы. Мы построим систему, которая будет недосягаема для их логики.

Он плавным движением извлёк из-под пальто терминал — массивный прибор, инкрустированный серебряной вязью волновых кодов. На идеально гладком экране пульсировала чистая, концентрированная мана. Корнелиус уверенно коснулся сенсора, и операционная система пространства вокруг них отозвалась глухим, вибрирующим гулом тектонического сдвига. Прибор сгенерировал фазовую волну, которая не сжимала метрику, а мягко перестраивала её, открывая проход вглубь этого мира — туда, где уже существовали города, дороги и люди, живущие по своим законам.

— Переход стабилен, — произнёс Корнелиус, убирая терминал. — Мы не будем ничего создавать здесь с нуля. Слишком заметно, слишком много следов. Мы войдём в существующую структуру, растворимся в ней, а потом построим своё — тихо, без спешки, своими руками.

Себастьян понимающе кивнул.

— Значит, для начала — гостиница. Снимем номер, осмотримся, поймём, чем здесь дышат. А потом уже присмотрим участок и начнём строить. Не хватало ещё, чтобы о нас пошли слухи как о чужаках, которые появились из ниоткуда и машут мечами.

— Именно, — Корнелиус двинулся вперёд, и его спутник последовал за ним. — Деньги у нас есть. Содержимое бункера, который мы оставили в мёртвом секторе, нас не волнует — там всё схвачено, а здесь мы потратим ровно столько, сколько нужно, чтобы выглядеть своими. Никаких фокусов, никакой маны на виду. Только расчёт и терпение.

Они спустились по каменистой тропе и вскоре вышли на тракт, ведущий к городу. Город был большой, живой, с высокими стенами и шпилями, и над ним висел ровный гул — голоса,

колёса, торговля. Никто не обратил внимания на двух хорошо одетых мужчин, которые вошли в ворота вместе с караваном.

Гостиница называлась «Синий Феникс» и стояла на центральной площади. Корнелиус снял два смежных номера на верхнем этаже, заплатил вперёд за месяц и попросил, чтобы их не беспокоили. Хозяин — грузный, с кольцами на пальцах — посмотрел на золото, потом на гостей, и молча кивнул.

В номере Себастьян снял пальто и бросил его на кресло.

— Ну что, Корнелиус. Гостиница снята. Теперь — дом?

— Теперь — дом, — подтвердил Корнелиус, разворачивая на столе карту города, купленную у мальчишки на площади. — Но строить будем сами. Найдём участок на окраине, где меньше глаз, и начнём. Тихо, без спешки. Никто не увидит, как мы работаем, и не поймёт, откуда у нас навыки.

Он провёл пальцем по карте и остановился на юго-восточной окраине, где кварталы переходили в ультрамариновый песок.

— Здесь. Тихо, просторно, и городская стража туда заглядывает редко. Через месяц у нас будет дом, который выглядит так же, как сотни других. И никто не спросит, откуда мы взялись.

Себастьян усмехнулся.

— А если спросят?

— Тогда мы покажем им бумаги, — спокойно ответил Корнелиус. — Купчую на участок, разрешение на строительство. Всё оформлено по местным законам. Мы не захватчики. Мы — новые жители. И это лучшая маскировка, чем любая магия.

Он свернул карту и убрал её во внутренний карман.

— А пока — отдых. Завтра осмотрим участок и начнём. И запомни, Себастьян: с этого момента мы не учёные из другого мира. Мы — двое состоятельных господ, которые решили осесть в тихом городе. Никаких формул, никаких экспериментов на виду. Всё — потом.

Себастьян кивнул и подошёл к окну. За стеклом лежал город, полный жизни, и где-то там, за крышами, начинался песок, на котором им предстояло построить свой дом.

— Спина к спине, — сказал он тихо.

— Спина к спине, — ответил Корнелиус.

И они принялись ждать.

Глава 2 ИНТЕРЛЮДИЯ: ДВА УЧЁНЫХ

Кабинет в большой реальности был тесным и пыльным — из тех, где на полках стоят чужие диссертации, а на столе лежит собственная, три года не отправленная в печать. Корнелиус сидел за терминалом, и зелёный свет экрана ложился на его гладко выбритое лицо. Себастьян стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на улицу, где сыскное ведомство как раз заканчивало очередной регламент.

— Они опять пишут правила, — сказал Себастьян, не оборачиваясь. — Сорок страниц о том, как правильно дышать в их присутствии.

— Пусть пишут, — ответил Корнелиус. — Правила — это их способ не думать. Чем толще том, тем меньше в нём смысла. Знаешь, что я понял за эти три года? Всю их силу можно описать одной строкой: масса, умноженная на страх. Чем больше система, тем сильнее давит. Но у давления есть предел — как у любой функции, у которой знаменатель стремится к нулю.

Себастьян обернулся.

— Ты опять за своё.

— Я всегда за своё. Мы оба теоретики, Себастьян. Нас учили смотреть не на объекты, а на промежутки между ними. Все смотрят на планету, на базу, на координату. А мы с тобой привыкли видеть пустоту между. И вот я сижу и думаю: а что, если пустота — это не дырка в их карте, а дверь?

Он развернул экран так, чтобы Себастьян видел. На нём не было ни одной готовой формулы — только кривая, которая сначала росла, а потом вдруг загибалась сама в себя, как змея, кусающая хвост.

— Смотри. Если взять метрику мира и прогнать её через фазовый сдвиг, она не схлопывается в точку. Она схлопывается в саму себя. Снаружи — песчинка, которую никто не найдёт. Внутри — всё то же самое, только запечатанное. Матрёшка, у которой снаружи скорлупа с маковое зерно, а внутри — бесконечная комната.

— Это ересь, — спокойно сказал Себастьян. — Нас за такое вычеркнут из всех архивов.

— Нас уже вычеркнули. Три года назад, когда вернули статью без рецензии. — Корнелиус откинулся на спинку стула. — Вся прелесть в том, что эта ересь не требует ни одного нового элемента. Ни редкого металла, ни запрещённой технологии. Только метрика, фаза и голова, которая держит ключи у себя. Снаружи сломают дверь — а ключей у них нет, потому что ключи не в двери. Ключи вот тут.

Он коснулся виска.

Себастьян долго молчал. Потом подошёл к столу и сел напротив.

— Хорошо. Допустим, кривая сходится. Допустим, мы уходим в альтернативную вселенную и обнуляем слежку. Но что мешает им найти песчинку и раздавить её?

— Ничего, — честно сказал Корнелиус. — Кроме одного. Песчинку нужно сначала найти, а для этого нужен тот, кто знает, что искать. А знать будет только тот, кто держит формулу в голове. Мы с тобой. И больше никто. Всё остальное — отписная бумага. Их ведомство умеет искать людей по координатам. Оно не умеет искать людей в промежутке.

Себастьян медленно кивнул. На его суровом лице не было ни улыбки, ни азарта — только то сосредоточенное спокойствие, с каким учёный принимает результат, который сходится.

— Значит, матрёшка, — сказал он. — Снаружи песчинка, внутри мир.

— Снаружи песчинка, — подтвердил Корнелиус. — Внутри — всё, что мы захотим. И никто, кроме нас, не сможет открыть крышку, потому что крышки нет. Есть только формула, и она заперта там, где её не достанет ни один регламент.

За окном сыскное ведомство закончило очередной том и принялось за следующий. Два учёных сидели в тесном кабинете и смотрели на кривую, которая кусала свой хвост. До побега оставалось ровно столько, сколько нужно, чтобы дописать одну строку.

Глава 3 ШКОЛА, КОТОРОЙ НЕТ В АРХИВАХ (Прошлое)

Подвал был старый, с низкими сводами и бетонным полом, который никогда не отмывался до конца. Здесь пахло сыростью, ржавчиной и немного — порохом. Сюда не заходили ни деканы, ни охрана: в реестрах кафедры этот подвал числился как «склад списанного имущества», и никто не проверял, что именно там списано.

Корнелиус снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула и остался в одной рубашке с закатанными рукавами. Себастьян уже стоял напротив, держа в каждой руке по короткому ножу — тренировочному, без заточки, но с настоящим весом и балансом.

— Ещё раз, — сказал Корнелиус. — Медленно.

Себастьян шагнул вперёд. Левый нож пошёл снизу, правый — сверху, и Корнелиус принял оба предплечьем и ладонью, не отступая ни на шаг. Раздался глухой стук дерева о дерево — ножи были деревянные, но руки у обоих были настоящие, и синяки от этих тренировок не сходили неделями.

— Ближе к корпусу, — сказал Корнелиус. — Ты тянешься. В реальном коридоре тебе не хватит места, чтобы так размахнуться.

— В реальном коридоре я не буду драться ножами, — ответил Себастьян, но послушно повторил движение короче.

Они занимались здесь два раза в неделю, между лекциями и семинарами, и никто из коллег об этом не знал. На кафедре их считали теоретиками — людьми формул и графиков,

которые путаются в собственном пальто. Никто не знал, что оба с детства стояли в секциях, а потом, уже взрослыми, нашли друг друга именно здесь, в этом подвале, и продолжили то, что начали задолго до университета.

Корнелиус взял со стойки деревянную саблю — длинную, тяжёлую, с утолщённым концом. Себастьян сделал то же самое. Они сошлись в центре подвала, и на несколько секунд здесь стало тихо, только слышно было, как они дышат.

Первый удар Корнелиус нанёс сверху, наискось. Себастьян принял его и тут же ушёл в сторону, разворачиваясь корпусом. Второй удар — по ногам. Себастьян перескочил. Третий — короткий, в голову. Себастьян присел, и деревянная сабля просвистела над его плечом.

— Хорошо, — сказал Корнелиус, опуская саблю. — Ты стал быстрее.

— Ты стал предсказуемее, — ответил Себастьян без улыбки, и это было не оскорбление, а наблюдение учёного.

Корнелиус кивнул, принимая замечание. Потом прошёл к дальней стене, где на крюке висела старая сумка с оружием. Он достал оттуда два пистолета — служебные, тяжёлые, с потёртой рукоятью, — и положил их на стол. Рядом лёг длинный узкий нож в чехле, тот самый, что он всегда носил с собой.

— С огнестрелом у нас хуже, — сказал он. — Мы оба стреляем ровно, но не быстро. Если дело дойдёт до перестрелки в коридоре, нам нужно быть точнее, а не скорее.

— Или не доводить до перестрелки, — сказал Себастьян.

— Или не доводить, — согласился Корнелиус. — Но если доведём — нужно знать, что делать.

Они отработали ещё полчаса: короткие связки, уходы, захваты. Себастьян дважды поймал Корнелиуса на ошибке — тот слишком высоко поднимал локоть при защите, — и оба раза Корнелиус молча кивал и повторял движение заново, пока не стало правильно.

В конце они сели на скамью у стены, тяжело дыша. Пиджаки так и висели на стульях, рубашки были влажными от пота.

— Зачем нам это? — спросил вдруг Себастьян, глядя на свои руки. — Мы учёные. Мы можем прожить всю жизнь и ни разу не достать ни ножа, ни пистолета.

— Можем, — сказал Корнелиус. — А можем оказаться в мире, где все наши формулы ничего не стоят, если мы не доживём до момента, когда их можно будет применить. Я не хочу однажды обнаружить, что придумал идеальный побег, но не смог дойти до двери.

Себастьян помолчал. Потом кивнул.

— Тогда в следующий раз — ножи и бег, — сказал он. — Если уж учиться уходить, то уходить быстро.

— Договорились, — сказал Корнелиус, и они поднялись со скамьи.

Наверху, в коридорах кафедры, шла обычная жизнь: кто-то спорил о статье, кто-то пил кофе, кто-то писал очередной регламент. Два учёных поднялись из подвала, надели пиджаки и разошлись по аудиториям — читать лекции о метрике пространства. Никто из коллег не заметил ни синяков на предплечьях, ни того, как привычно их руки проверяют, на месте ли нож.

Глава 4 ПРОВЕРКА (новый мир)

В Обители был зал, о котором Корнелиус не говорил вслух. Он прорастал из ультрамаринового песка последним — после кабинета, после камина, после столешницы из тёмного дуба. Стены без окон, пол из плотного мата, ровный свет без теней. По периметру — стойки: деревянные сабли, короткие ножи, тяжёлые пистолеты с холостыми и боевыми, отдельно — стальные клинки без заточки, но с полным весом.

— Ты всё-таки её достроил, — сказал Себастьян, входя.

— Достроил, — сказал Корнелиус, уже стоявший в центре в одной рубашке. — Пора проверить, не сдали ли мы за эти годы.

Он поднял руку, и в воздухе перед ними проявилась разметка: силуэты, зоны, траектории. Автоматический тренажёр Обители — единственный, кто мог быть свидетелем, — вывел на стену простую шкалу. Себастьян прочитал вслух:

— «Оценка по стандартам внешнего мира: рукопашный бой, клинок, нож, огнестрел. Эталонные уровни: линейный состав, штурмовые подразделения, элитные группы». — Он поднял бровь. — Ты хочешь сравнить нас с их спецназом?

— Я хочу знать, где мы стоим, — сказал Корнелиус. — Формулы без проверки — это вера, а не наука.

Тренажёр начал первым. Силуэт шагнул вперёд и ударил — коротко, жёстко, без замаха, как бьют те, кого учили не красоваться, а выводить из строя. Корнелиус принял удар на предплечье, ушёл в сторону и ответил локтем в корпус. Силуэт отступил и перестроился. Через тридцать секунд он снова пошёл вперёд — и снова получил ответ.

Себастьян встал напротив второго силуэта. Первый удар он пропустил намеренно — принял на плечо, чтобы почувствовать вес. Потом поймал руку, повернул корпус и уложил силуэт на мат. Тренажёр замер, оценивая.

— «Реакция — выше эталона, — прочитал Себастьян. — Техника — на уровне лучших образцов. Ошибка: излишняя экономия движений».

— Это не ошибка, — сказал Корнелиус. — Это привычка. В коридоре у тебя не будет места на красивое.

Они сменили оружие. Деревянные сабли, потом ножи, потом пистолеты — по кругу, без пауз, пока дыхание не сбилось. Тренажёр считал, сравнивал, выводил на стену цифры, которые ничего не значили для постороннего, но для них были точнее любых слов.

Корнелиус остановился первым. Опустил саблю, посмотрел на шкалу.

— «Совокупная оценка: соответствует уровню лучших штурмовых групп внешнего мира. По отдельным параметрам — превосходит», — прочитал он. И добавил спокойно: — Значит, не сдали.

Себастьян подошёл, встал рядом, глядя на те же цифры.

— Мы тренировались в подвале между лекциями, — сказал он. — Два раза в неделю, на бетоне, с деревяшками. А теперь система, которая видела их спецназ, говорит, что мы не хуже.

— Система не видела их спецназ, — сказал Корнелиус. — Система видела их стандарты. Это разные вещи. Стандарт — это то, чему их учат. А мы учились сами, и нам никто не ставил рамок. Поэтому у нас есть то, чего у них нет: мы не боимся нарушить их же правила.

Он повесил саблю на стойку и взял полотенце.

— Но расслабляться не будем, — сказал он. — Завтра — бег и уходы. Послезавтра — ножи в темноте. Если однажды нам придётся уходить из большого мира, я хочу, чтобы единственное, что нас задержит, — это мы сами.

Себастьян кивнул и повесил свой клинок рядом. Тренажёр погасил разметку. Зал снова стал просто залом — тихим, без окон, с матом на полу и стойками у стен.

За его стенами спал город, полный жизни. Внутри — два учёных, которые умели считать метрику мира и умели драться так, что их не смог бы остановить ни один патруль.

Первый год в Обители они потратили не на отдых, а на разведку.

Мир, который они создали, оказался не пустой декорацией. Ультрамариновые пески скрывали пласты — глубокие, плотные, с тем самым редким элементом, которого в большом мире почти не осталось. Тот самый ресурс, который когда-то сделал их богатыми снаружи, здесь лежал под ногами — нетронутый, бесконечный, ничей.

— Смотри, — сказал Корнелиус, разворачивая карту. — Здесь, здесь и здесь. Те же слои, что мы нашли в большом мире. Только там их надо было выкупать через третьи руки, а здесь они наши по праву создания.

— И что мы с ними сделаем? — спросил Себастьян. — Продадим? Кому?

— Никому. — Корнелиус свернул карту. — Мы не будем ничего продавать наружу. Это слишком рискованно. Мы будем добывать и использовать внутри. А когда город вырастет — продавать ему.

Себастьян тогда не понял. Город за окнами только прорастал — несколько кварталов, рынок, первые мастерские. Кому там продавать ресурс?

Он понял через два года.

Город рос быстрее, чем они ожидали. Жители — настоящие, со своими делами, семьями, спорами — строили дома, мастерские, школы. Им нужен был материал: прочный, лёгкий, способный держать энергию. Тот самый элемент. А добывать его умели только двое — те, кто знал формулу залегания.

Корнелиус оформил всё просто: компания с уставным капиталом, офис в центре города, склады на окраине. Название — нейтральное, без имени Архитектора. Лицензия на добычу — единственная в мире, потому что больше некому. Он не строил монополию силой. Он просто оказался единственным, кто знал, где копать.

Первые контракты были мелкими: партия ресурса для строительства ратуши, партия для мастерской, партия для лаборатории. Платили внутренней валютой — той, которую город ввёл сам, потому что так было удобнее. Корнелиус принимал её без споров. Ему не нужны были деньги как деньги. Ему нужен был контроль над тем, без чего город не мог расти.

Через три года компания стала крупнейшим поставщиком ресурса в Обители. Через пять — единственным. Города, которые появлялись один за другим за горизонтом, приходили к нему сами. Никто не заставлял их покупать. Просто альтернативы не было: либо ресурс от компании, либо стройка встаёт.

— Ты понимаешь, что мы только что сделали? — спросил как-то Себастьян, глядя на очередной отчёт. — Мы стали монополистами в мире, который сами создали.

— Мы стали поставщиками, — поправил Корнелиус. — Монополия — это когда ты не даёшь другим. А мы даём. Просто только мы знаем, где это лежит.

— И сколько у нас теперь?

Корнелиус назвал цифру. Себастьян молча сел в кресло.

— Это больше, чем было снаружи, — сказал он наконец.

— Это другое, — сказал Корнелиус. — Снаружи мы прятали деньги по фондам и трастам, потому что их могли найти. Здесь мы не прячем ничего. Здесь всё наше по праву создания. Мы не беглецы, которые украли чужое. Мы Архитекторы, которые нашли своё.

Он взял со стола песчинку — ту самую, что стала якорем новой реальности, — и повертел её в пальцах.

— Снаружи они считают нас бедняками, которые сбежали от долгов. А мы — единственные в их вселенной, кто владеет собственной. И эта вселенная платит нам за то, что мы позволяем ей расти.

Себастьян медленно кивнул.

— Значит, компания, — сказал он. — Ресурс, город, контракты. Всё внутри.

— Всё внутри, — подтвердил Корнелиус. — И никто снаружи об этом не узнает. Потому что снаружи нет ни одной песчинки этого ресурса. Он есть только здесь.

Глава 5 ТОТ, КТО ЗАМЕТИЛ

В сыскном ведомстве большого мира был отдел, о котором не писали в регламентах. Он назывался скучно — «аналитическая группа по аномалиям метрики», — и в нём работали трое. Один из них, молодой аналитик по фамилии Кранц, был из тех, кто читает не выводы, а приложения. И ещё он был из тех, кто, получив дело, сначала идёт в архив и читает всё, что писали сами беглецы.

Дело о двух учёных он получил в пятницу. К понедельнику он прочитал их статью — ту самую, возвращённую без рецензии, — трижды. Не потому что она была сложной. Потому что она была правильной.

Кранц не был физиком. Он был аналитиком, но у него была привычка: прежде чем искать человека, понять, как тот думает. А эти двое думали не как беглецы. Они думали как теоретики. В их статье не было ни слова о том, как спрятаться. В ней было уравнение, которое описывало, как пространство может схлопнуться в само себя.

Кранц проверил выводы на салфетке. Потом на втором листе. Потом на доске в пустом кабинете. Уравнение сходилось.

Тогда он начал искать не людей, а следы применения формулы. Патенты — мелкие, через фирмы-однодневки, с одной и той же математической основой. Земля — «бесперспективный» сектор, который вдруг начали разрабатывать три корпорации через цепочку посредников. Счета — пустые, структуры — аккуратно сложенные, как матрёшка.

Всё сходилось к одному: они не прятались. Они сжали свой мир.

Кранц взял чистый лист и написал на нём одну строку: «Объект поиска — не люди. Объект поиска — аномалия метрики размером с частицу». Потом посмотрел на эту строку и понял, как это будет звучать для начальника.

Он всё равно пошёл.

Начальник выслушал молча. Потом взял отчёт, перелистал, отложил в сторону.

— Кранц, — сказал он. — Ты серьёзно? Ты предлагаешь мне искать двух беглецов, которые, по-твоему, заперлись в песчинке?

— Не заперлись. Сжали метрику до размеров частицы. Это не то же самое. Если формула верна, то снаружи это выглядит как песчинка, а внутри — целый мир. Мы ищем их по координатам, а они не в координатах. Они в промежутке.

— В промежутке, — повторил начальник. — Ты слышишь себя?

— Слышу. И статья слышит. Их статья, которую мы вернули без рецензии. Она описывает именно это. Я проверил выводы. Они сходятся.

Начальник помолчал. Потом сказал медленно, как говорят с человеком, которого уважают, но whose идея кажется бредом:

— Кранц. Ты умный. Ты у меня лучший аналитик. Но послушай, что ты говоришь. Два человека сжали вселенную до песчинки и живут внутри неё. Это не сыск. Это фантастика. У нас нет ни прибора, который это ищет, ни протокола, ни статьи в регламенте. Что я напишу в отчёте? «Подозреваемые предположительно находятся в песчинке»?

— Напишите, что я проверяю аномалию метрики, — сказал Кранц. — Не песчинку. Аномалию. Это звучит достаточно скучно, чтобы пройти.

Начальник усмехнулся. Потом покачал головой.

— Иди. Но без моего бюджета. На своё усмотрение, в свободное время. Если найдёшь что-то, что можно показать комиссии, — приноси. Если нет — закроем дело и забудем.

Кранц кивнул и вышел.

В коридоре он остановился. За окном был обычный день большого мира: кто-то писал регламент, кто-то пил кофе, кто-то спорил о статье. А где-то — он не знал где — два учёных в дорогих костюмах-тройках сидели в кабинете с камином и смотрели на город, который сами вырастили.

Кранц не был злодеем. Он не хотел их поймать, чтобы наказать. Он хотел их найти, потому что это была самая красивая задача, которую он видел за всю службу. Формула, которую они вывели, была не ересью. Она была правильной. А правильные формулы, думал Кранц, нельзя оставлять без ответа.

Он вернулся к столу, открыл чистый файл и написал в заголовке:

«Аномалии метрики. Методы поиска. Год первый».

Глава 6 ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Профессор Вейд был из тех учёных, к которым ведомство обращалось, когда регламент заканчивался, а вопрос оставался. Он не читал лекций, не писал статей в открытые журналы и не любил, когда его называли экспертом. Но если Вейд говорил «в теории возможно», ведомство начинало копать, а если говорил «на практике нет» — закрывало дело.

Кранц пришёл к нему в пятницу, ближе к вечеру, когда коридоры института пустели. Вейд сидел в кабинете, заставленном приборами, и разбирал на столе какую-то схему.

— У меня вопрос по метрике, — сказал Кранц. — Не по вашей части, но вы единственный, кто может ответить.

— Все так говорят, — сказал Вейд, не поднимая головы. — Садитесь.

Кранц сел и положил на стол копию статьи — ту самую, возвращённую без рецензии.

Вейд взглянул на первую страницу и вдруг отложил схему.

— Это же те двое, — сказал он. — Которых вы ищете. Я читал. Отклонено, кажется, три года назад?

— Отклонено. Но я проверил выводы. Они сходятся.

— Сходятся, — согласился Вейд. — Я тоже проверял. В теории это возможно. Фазовый сдвиг метрики, схлопывание в саму себя, внешне — частица, внутренне — полное пространство. Математика чистая. Ошибки нет.

Кранц подался вперёд.

— Значит, они могли это сделать.

— Могли, — сказал Вейд. — В теории. А теперь давайте поговорим о практике.

Он поднялся и прошёл к доске, где мелом набросал несколько кривых.

— Вот смотрите. Чтобы схлопнуть метрику в саму себя, нужны три вещи. Первая — точный расчёт фазы. Это они сделали, формула у них правильная. Вторая — источник энергии, который удержит сжатие. Это сложно, но решаемо, если у тебя есть доступ к промышленным мощностям. А третья — стабильность. И вот здесь начинается практика.

Он постучал мелом по доске.

— Внутри такой песчинки любой сбой в контуре — и метрика не схлопывается обратно, а разворачивается. Мгновенно. Весь сжатый мир возвращается в обычный размер за наносекунды. Не взрыв — хуже. Локальное разрушение пространства. Всё, что было внутри, оказывается снаружи, в точке входа, в виде пыли. Их песчинка стала бы бомбой, которая ждёт, когда кто-то ошибётся.

— Но они могли решить и это, — сказал Кранц. — Автономный контур, тройная защита.

— Могли, — снова согласился Вейд. — И вот тут мы упираемся в главное. Чтобы удержать стабильность, им нужно было бы зациклить коды реверса не на оборудовании, а на чём-то, что нельзя сломать извне. А единственное, что нельзя сломать извне, — это человеческая голова. То есть им пришлось бы держать всю систему в памяти. В собственной. Постоянно. Без права забыть, отвлечься, заболеть, уснуть слишком глубоко.

Он посмотрел на Кранца.

— Вы понимаете, что это значит? Это не убежище. Это клетка, в которой ты сам себе тюремщик. Один сбой памяти — и всё рушится. Никакой отдых, никакой покой, никакой жизни. Только вечное удержание формулы в голове. Ни один человек в здравом уме на это не пойдёт.

— А если они не в здравом уме?

— Тогда они уже мертвы, — сказал Вейд. — Или песчинка уже развернулась, и вы ищете пепел. Но следов разрушения пространства в том секторе не зафиксировано. Значит, либо они не сделали этого, либо сделали и до сих пор держат. А держать годами без сбоя — это не гениальность. Это чудо.

Кранц молчал.

— Я не говорю, что это невозможно, — сказал Вейд мягче. — Я говорю, что в теории это возможно, а на практике — нет. Потому что теория не учитывает человека. А вы ищете именно людей, которые должны были стать чем-то большим, чем люди. И пока вы не докажете мне, что они перестали быть людьми, я буду считать, что песчинки не существует.

— А если я докажу? — спросил Кранц.

Вейд помолчал. Потом вернулся к столу и взял статью.

— Тогда приходите снова, — сказал он. — И принесите мне не расчёт. Принесите мне доказательство, что кто-то годами держит в голове целую вселенную и не сорвался. Вот тогда я поверю. А пока — это красивая математика и очень плохая практика.

Кранц забрал статью и вышел.

В коридоре он остановился и посмотрел на копию в руках. Вейд был прав. В теории — возможно, на практике — нет. Но Кранц не мог отделаться от мысли, что где-то есть двое, которые плевали на практику.

Он вернулся к столу и открыл файл, который вёл в свободное время.

«Аномалии метрики. Методы поиска. Год первый».

И под заголовком дописал вторую строку:

«Проверить: способен ли человек удерживать формулу годами без сбоя. Если да — песчинка существует».

Глава 7 УТОЧНЕНИЕ ДАННЫХ

Первые месяцы в Обители прошли спокойно. Корнелиус пил кофе у камина, Себастьян подбрасывал поленья, город за окнами рос, компания набирала обороты. Всё шло по плану — так, как они и рассчитывали, когда входили в песчинку.

А потом Себастьян начал считать.

Он делал это не специально. Просто сел однажды у окна с терминалом и стал записывать: сколько домов в городе, сколько улиц, сколько людей выходит на рынок утром. Через неделю у него была таблица. Через две — график. Через месяц он пришёл к Корнелиусу.

— Смотри, — сказал он, разворачивая экран. — Я считал население. Оно растёт не так, как должно.

Корнелиус отставил чашку.

— Как это — не так?

— Если бы город рос из наших кварталов, как мы планировали, прирост был бы линейным. Мы строим дом — приходит семья. Строим мастерскую — приходят рабочие. А здесь кривая другая. — Он ткнул в график. — Здесь прирост идёт волнами. Как будто город жил своей жизнью ещё до того, как мы начали строить.

Корнелиус долго смотрел на график. Потом взял терминал и проверил сам.

— Ты прав, — сказал он наконец. — Кривая не сходится с нашей моделью. Она сходится с моделью города, который уже был.

Они вышли на балкон. За окнами лежал город — тот самый, что они считали своим творением. Только теперь они смотрели на него иначе.

— Смотри на дороги, — сказал Корнелиус. — Они не идут от наших кварталов. Они идут сквозь них. Как будто были здесь раньше, а мы просто построили поверх.

— И рынок, — подхватил Себастьян. — Он стоит не там, где мы планировали. Он стоит на перекрёстке, которого мы не проектировали. И торгуют там с утра до вечера, хотя мы не открывали ни одной лавки.

Они вернулись в кабинет. Корнелиус сел за столешницу и развернул карту — ту самую, что составил, когда входил в мир.

— Мы исходили из того, что карман пустой, — сказал он. — Что мы первые. Но данные говорят другое. Город не вырос из наших кварталов. Он был здесь до нас. Мы просто вошли в него и построили свой дом на краю.

— То есть мы не создали этот мир.

— Мы не создали этот мир, — повторил Корнелиус. — Мы нашли вход в уже существующий. Он был здесь всегда. Кто-то жил тут до нас. И живёт сейчас.

Себастьян медленно кивнул. На его суровом лице не было ни удивления, ни паники — только то сосредоточенное спокойствие, с каким учёный принимает результат, который опровергает его гипотезу.

— Значит, наша формула, — сказал он. — Она не создаёт карман. Она указывает на уже существующий.

— Именно. — Корнелиус откинулся в кресле. — Мы считали, что придумали, как сжать мир. А на самом деле придумали, как найти тот, что уже сжат. Разница принципиальная. Архитектор отвечает за то, что построил. Гость отвечает за то, что не сломал.

— А ресурсы? — Себастьян кивнул на карту. — Пласты под песками. Они ведь тоже не наши.

— Пласты были здесь до нас, — согласился Корнелиус. — Мы их не создавали. Но мы первые, кто составил карту и описал месторождение. По местным законам — тем самым, которые я прочитал, прежде чем строить дом, — это даёт право на разработку. Право первооткрывателя.

— То есть юридически они наши.

— Юридически — наши. По праву первооткрывателей и по документам, которые я оформил у местного писца. — Корнелиус помолчал. — Но это не отменяет главного. Мы вошли в чужой мир. И если мы хотим в нём остаться, нам придётся это признать. Хотя бы самим себе.

Себастьян подошёл к окну и посмотрел на город.

— Значит, мир не наш, — сказал он. — Но ресурсы — наши.

— Ресурсы — наши, — подтвердил Корнелиус. — И дом — наш. А всё остальное — вопрос договора.

Он взял со стола песчинку — ту самую, что стала якорем входа, — и повертел её в пальцах.

— Мы считали, что создали матрёшку. А на самом деле мы нашли чужую и научились открывать крышку. Это не поражение, Себастьян. Это уточнение данных. Учёный отличается от мечтателя тем, что умеет признавать, когда гипотеза не сходится.

— И что мы будем делать с этим уточнением?

— То же, что всегда. — Корнелиус опустил песчинку на столешницу. — Работать с тем, что есть. Мир существует. Он обитаем. Ресурсы юридически наши. Осталось сделать так, чтобы местные не захотели это оспорить.

Себастьян медленно кивнул.

— А если захотят?

— Тогда мы покажем им документы. — Корнелиус поднялся. — В этом мире, как и в любом другом, бумага сильнее меча. Мы не захватывали землю. Мы оформили участок. Разница в том, что мы единственные, кто знает, где он лежит, и единственные, кто успел поставить подпись.

Он подошёл к окну и посмотрел на город.

— Мы вошли в чужой мир, — сказал он тихо. — Но вошли не с мечом. Мы вошли с картой и бумагами. И если всё сделать правильно, через десять лет они будут считать, что мы были здесь всегда.

Себастьян подбросил в огонь полено.

— А если не правильно?

Корнелиус помолчал.

— Тогда у нас есть зал без окон, — сказал он. — И мы умеем драться не хуже их спецназа.

ГЛАВА 8. ТО, ЧЕГО НИКТО НЕ ЗНАЛ

— Кстати, — сказал Себастьян однажды вечером, когда они сидели у камина и за окнами чужой город зажигал огни. — Мы так и не забрали то, что лежит в бункере.

Корнелиус пригубил кофе.

— Не забрали.

— И не собираемся?

— Не собираемся. — Корнелиус поставил чашку. — Нам это здесь не нужно. У нас есть ресурс, компания, дом. Деньги в бункере — это не деньги для жизни. Это деньги для другого.

Себастьян кивнул. Он и сам так думал, но хотел услышать, как это скажет Корнелиус.

Бункер был их старой страховкой. Они построили его за год до побега — на планете, которую в большом мире считали мёртвой, в секторе, куда не заходили ни патрули, ни корпорации. Три уровня вниз, монолитная обшивка, автономная энергия, сейфы, которых не было ни в одном реестре. Золото, редкоземельные слитки, наличные, облигации на предъявителя. Всё, что нельзя заморозить, отследить или обнулить счётом.

— Мы были богаты и там, — сказал Себастьян. — Просто никто об этом не знал.

— Никто, — подтвердил Корнелиус. — Ни ведомство, ни корпорации, ни кафедра. Для них мы были два чудака из тесного кабинета, которые получают оклад и пишут статьи, которые никто не читает. А в это время в мёртвом секторе лежал бункер, которого не было ни на одной карте.

Он помолчал.

— И знаешь, что самое важное? В бункере нет документов. Ни одной бумаги, которая связывала бы нас с тем, что там лежит. Только деньги. Наличные, слитки, облигации на предъявителя. Всё, что не имеет имени. Если кто-то найдёт бункер без нас — он найдёт комнату с сейфами и не поймёт, чьи они. А если найдёт с нами — не докажет, что это наше, потому что мы ничего не подписывали.

— А если мы туда вернёмся?

— Тогда мы всегда сможем их взять, — сказал Корнелиус. — Коды у нас. Замки автономные. Бункер не подключён ни к одной сети, открыть его можно только изнутри или по коду, который знаем только мы. Мы можем вернуться через год, через десять, через двадцать. Деньги не портятся. Золото не ржавеет. Облигации на предъявителя не теряют силу от того, что полежали.

Себастьян подбросил полено.

— Значит, это не деньги, — сказал он. — Это возможность.

— Именно. — Корнелиус откинулся в кресле. — Мы не беглецы, которые всё бросили и скрылись. Мы люди, у которых в большом мире остался запертый сейф. Если однажды нам понадобится выйти наружу — не для того, чтобы вернуться, а для того, чтобы сделать что-то, — у нас будет на что это сделать. Без кредитов, без счетов, без следов.

Он помолчал, глядя на огонь.

— Здесь мы богаты по праву первооткрывателей. Там мы богаты по праву тех, кто успел спрятать. И это две разные свободы. Первая — свобода строить. Вторая — свобода уйти, если что-то пойдёт не так.

Себастьян долго молчал. Потом сказал:

— А если ведомство найдёт бункер?

— Не найдёт. — Корнелиус покачал головой. — Планета числится мёртвой. Патрулей нет. Сенсоры бункера фиксируют любое движение в радиусе километра. Если кто-то подойдёт — мы узнаем об этом раньше, чем он дойдёт до двери. И даже если каким-то чудом найдут — что они увидят? Комнату с сейфами, которые невозможно открыть без кода. Пустую, без единой бумаги. Они будут годами ломать голову, чьё это, и не найдут ответа.

— А мы в это время будем здесь, — сказал Себастьян.

— А мы будем здесь, — подтвердил Корнелиус. — Пить кофе у камина и смотреть на город, который жил своей жизнью задолго до нас.

Он поднялся и подошёл к окну.

— Бункер — это не прошлое, от которого мы сбежали. Это дверь, которую мы оставили приоткрытой. На случай, если однажды захотим вернуться.

Себастьян кивнул и посмотрел на огонь.

— Хорошо, что мы её не закрыли, — сказал он.

— Хорошо, — согласился Корнелиус. — Учёный отличается от беглеца тем, что всегда оставляет себе путь отхода. Даже если не собирается им пользоваться.

ГЛАВА 9. АРИФМЕТИКА СОЮЗА

Ресторан был из тех, где официанты не подходят, пока их не позовут, а столики стоят так далеко друг от друга, что разговор остаётся между своими. Корнелиус и Себастьян сидели у окна на верхнем ярусе. На столе стоял коньяк в тяжёлых бокалах, и свет играл в янтарной жидкости.

Себастьян сделал глоток и поставил бокал.

— Корнелиус. Мы никогда не будем врагами. Ты это понимаешь?

Корнелиус поднял глаза от бокала.

— Понимаю. А ты понимаешь почему?

— Хочу услышать, как ты это сформулируешь.

Корнелиус откинулся в кресле. На его лице не было ни улыбки, ни пафоса — только то сосредоточенное спокойствие, с каким учёный объясняет теорему, которую уже доказал для себя.

— Потому что нам нечего делить. — Он поднял руку, предупреждая возражение. — Не в смысле «мы не хотим». В смысле — арифметически нечего. Смотри. У нас внутри мира ресурс, которого больше, чем мы сможем выбрать за сто жизней. У нас снаружи бункер, которого хватит на две жизни безбедных. У нас дом, который больше, чем нам нужно. У нас компания, которая растёт быстрее, чем мы успеваем её считать. Всё, что можно разделить, уже разделено так, что каждому хватает с избытком. Враждовать из-за избытка — это как ссориться из-за воздуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.